

Картина с тридцатилитровым молочным бидоном, полным пива.

Из рассказов о пиве.

Перевод с Еврейского.

Место было - Тарту, живописный городок в тогда еще советской Эстонии.

Время - июль 1968-го года, и нам по двадцать лет.

Мы, студенты мехмата МГУ, гостили у Юры, нашего эстонского товарища по учебе в Москве.

И девушка, она тоже была там - самая красивая студентка на факультете, и она была со мной.

Юра и трое его местных друзей предложили устроить для нас вечер пива. До того пиво никак не входило в наше сравнительно обширное меню напитков московских студентов шестидесятых годов. И вот Юра, "европеец", предлагает нам вечер пива. По его словам "четверо из пяти пьяных, встречающихся на улицах европейских городов, пьяны от пива". Не правда ли убедительный аргумент?

Пивоваренный завод Тарту располагался как раз напротив Юриного дома. У ворот пивоварни был устроен кран, из которого продавали пиво в разлив.

Почти все пиво в Советском Союзе было тогда одного "брэнда" - Жигулевское, и, несмотря на ГОСТы, каждая пивоварня производила его, как ей хотелось. По словам товарищей Юры "Жигулевское" Тартуского разлива было самым лучшим на территории Советского Союза. Кто и как провел такое исследование, мы не знали, но доверяли ему абсолютно.

Молочный бидон емкостью в тридцать литров был заготовлен у Юриных друзей как раз для такого повода. К началу праздника он был наполнен свежайшим студеным напитком из крана при входе а пивоварню. О закуске ребята тоже позаботились - буханка черного хлеба и пол кило голландского сыра. В место праздника - комнату номер 525 в общежитии студентов Тартуского Университета, освобожденного от его законных обитателей по случаю летних каникул, мы пробирались тайком, волоча с собой потеющий бидон. Единственной связью между участниками предприятия и этим местом был номер комнаты: именно в комнате номер 525 в шестом корпусе общежития МГУ на Ломоносовском проспекте в Москве жил я с Юрой и еще двумя студентами последние два года. Посуда для питья тоже была приготовлена заранее. Это был ковш в виде двухлитровой кастрюли с длинной ручкой - черпать пиво из бидона и пускать по кругу между пирующими.

Итак, мы расселись вокруг стола в пустой комнате - пятеро ребят и одна девушка, передавая по кругу пенящийся ковш и закусывая экономно нарезанными ломтиками хлеба и сыра. Не помню подробного содержания наших разговоров, рассказов и острот, но одно точно - большая часть носила ярко выраженный антисоветский характер. По тем вегетарианским временам они тянули, пожалуй, на пару лет тюремного заключения, найдись среди нас доносчик.

После нескольких кругов заветного ковша мы принялись петь. Одна песня, которой научили нас наши друзья, пришла, по-видимому, прямиком из студенческих пирушек средних веков в Германии:

Вир хабен фройде, фройде, фройде ин херц,
Фройде ин херц, фройде ин херц,
Вир хабен фройде, фройде, фройде ин херц,

Фройде ин херц,
Воллера!

После чего мы продолжали петь на разных языках – чем больше, тем веселее:

Несем мы радость, радость, радость в сердцах,
Радость в сердцах, радость в сердцах,
Несем мы радость, радость, радость в сердцах,
Радость в сердцах,
Воллера!

Если нам приходил в голову еще какойнибудь язык, на котором кому то были знакомы несколько слов, то мы тут же "переводили" на него этот незатейливый куплет и продолжали петь. Я, усердный начинающий ученик еврейского (по израильскому учебнику "Элеф Милим" - большая ценность в сионистском подполье Москвы), немедленно перевел этот куплет на домотканый Иврит:

Симха еш лану, лану, лану балеv,
Лану балеv, лану балеv,
Симха еш лану, лану, лану балеv,
Лану балеv,
Воллера!

Припоминаю, что мы насчитали 22 языка, на которых был пропет нехитрый гимн молодого пивного веселья. Убей меня, сегодня я не в состоянии воспроизвести и половины из тех языков, но как можно полагаться на считающих после доброго десятка заходов, сделанных неутомимым ковшом? Наши опытные друзья все время заботились чтобы оставить на утро "литров пять" пива - верное средство против неизбежного и ужасного похмелья. Под утро я и девушка оставили наших друзей, задремавших в разнообразных позах вокруг остывшего бидона с драгоценными остатками на дне. А утром я хотел умереть, хотел умереть, но не мог... Наверно стакан пива мог бы помочь, как обещали наши искушенные друзья, но его-то и не было - неприкосновенный запас остался у них. Так я познакомился с этой коварной стороной восхитительного напитка - в первый и пока что последний раз. Стоял июль 1968-го года. Через месяц советские танки покатали по улицам Праги, давая своими гусеницами ее недолговечную весну. День и ночь, припав к радиоприемнику, я пытался ловить правдивые новости из передач западных радиостанций сквозь ужасающий рев глушилок, запущенных в усиленном режиме по случаю событий. Тогда, между завываниями я услышал по Голосу Израиля, как Арик Айнштейн¹ исполняет свой новый хит - "Песня о Праге мне снилась". А еще через три года, из окна тель-авивского автобуса я увидел и самого Арика, в кругу приятелей на углу улиц Арлозорова и Жаботинского. Через год или два после этого я вспомнил о тех днях в Эстонии и о бидоне с пивом, когда мне случилось слушать проповедь раввина в лондонской синагоге. Проповедь была посвящена одному еврейскому обычаю. Еврейская суббота начинается в пятницу вечером на закате и кончается в субботу с наступлением темноты. Царицу Субботу встречают и провожают специальными молитвами -

---

¹ Арик Айнштейн - известный израильский певец.

встречают молитвой "Киддуш", а провожают молитвой "Хавдала". При каждой из этих молитв благословляют и пьют вино. Так вот обычай состоит в том, чтобы не выпивать полностью бутылку вина на "Киддуш" в начале субботы, а оставить достаточное количество, чтоб "того же вина" хватило на благословление "Хавдала" в конце ее. Идея проповеди была, что этот обычай выражает общечеловеческую надежду пронести хотя бы долю от того вдохновения и воодушевления, которые сопутствуют началу каждого дела до его конца.

Я верю, что каждый пенный стакан, который мне довелось поднести к губам с тех пор, был наполнен со дна того неиссякаемого сосуда.

Со временем Юра, наш товарищ, стал членом парламента и министром, одним из основателей конституции в независимой Эстонии.

А Самая Красивая Девушка - она все еще со мной.

Воллера!

Леви Цирульников

Макаббим, 2010